

Юлиана Алексеенко

СЕКРЕТ НЕВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

Юлиана Сергеевна Алексеенко

Секрет не вечной мерзлоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29604240

SelfPub; 2018

Аннотация

Одиннадцатилетняя девочка Эда однажды нашла волшебный бисер, исполняющий желания. Чтобы желание исполнилось, нужно было лишь вышить его на ткани. Не чувствуя поддержки семьи, Эда стала совершать плохие поступки, и волшебный бисер ей в этом помог. Но когда случилась беда, и Эда захотела исправить содеянное, бисер, увы, закончился. Вместе с единственным другом – учителем музыки Эда выяснила, что волшебный бисер был сделан из льда Менденхолла, и они отправились на ледник Туюксу, чтобы найти зацепку к разгадке происхождения бисера. Отсюда началось их необыкновенное приключение по крупным ледникам мира через радужные коридоры.

Юлиана Алексеенко

СЕКРЕТ НЕВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

История девочки, которая отважно отправилась на поиски потерянного счастья

Алматы, 2016

1

Вам случалось переезжать в новый дом и новый город? Если да, то, наверное, вы знаете, что это не так уж просто – в старом месте остаются друзья, любимые места, школа и учителя, привычный дом, книжки, игрушки, соседи даже – и их жаль терять. А в новом нет ничего знакомого, какое-то время кажется, что так будет всегда. И это непросто. Так случается почти со всеми детьми, кому приходится менять привычную жизнь на неведомую новую, но у Эды все случилось иначе. Когда она, ее мама, старшие брат и сестра переехали в маленький городок неподалеку от Алматы, где они купили старенький, но очень милый двухэтажный дом под горами, ей показалось, что это самое красивое место на земле. Здесь было необыкновенно зелено летом, здесь в октябре распускались пышным цветом все цвета осенней палитры, здесь чудесно снежно было зимой, и каждую весну можно было пешком ходить в горы за подснежниками. В новом доме у каждого была своя маленькая, но личная комната –

даже у тогда еще пятилетней Эды! Поначалу, конечно, она ей нужна не была, девочка все равно спала с мамой, но примерно лет к десяти, когда Эда стала полноправной владелицей своих апартаментов, она обожала этот свой мир: свою кровать с мягкими игрушками, свой старенький, но очень удобный письменный стол, шкафчики и больше всего – вид из окна на рощу и горы.

Старую жизнь, в которой остались городская квартира, расплывчатый образ отца и бесконечные мамины слезы она не вспоминала ни разу. Как будто прежней жизни просто не было, и все началось с этого места. Здесь был яблоневый и грушевый сад, большой двор, и еще на участке был старенький дом, который мама планировала снести каждый год, но денег на снос никак не хватало, и он так и ветшал еще больше, иногда служа сараем. Дети часто играли вместе во дворе или в роще рядом, иногда они вместе с мамой ходили в горы, а когда брат и сестра подросли, то ходили и без мамы – втроем.

Время шло, и как-то незаметно все начало меняться. Чем старше становились брат и сестра, тем меньше они хотели играть с младшей сестренкой, у них появились новые друзья, потом они совсем выросли и друг за другом поступили в один и тот же университет. Мама все время была занята работой или домашними делами, и Эда все больше времени стала проводить одна.

Она всегда любила находиться дома. Делала гербарии, ле-

пила из пластилина или делала поделки из бумаги, в куклы играла редко, но любила делать для них домики из картона или мебель. Увы, со временем даже все ее самые интересные дела становились не такими уж и интересными, и все чаще и чаще Эда занималась ничегонеделанием. Она могла часами просто смотреть в окно, или сидеть на крыльце, думая о неведомых далях, о которых даже и рассказать бы никому не смогла – настолько мысли были туманны. Еще когда ей исполнилось девять лет, мама, по совету подруги, решила отдать ее в музыкальную школу, и Эда стала играть на скрипке. Сначала было трудно, но со временем она привыкла, и теперь уже третий год жила примерно по одному сценарию: ходила в общеобразовательную школу, где имела среднюю успеваемость, занималась музыкой во второй половине дня, потом дома делала уроки, а в промежутках продолжала заниматься любимым делом – мечтательным ничегонеделанием.

В один из обычных дней, когда мама была на работе, брат и сестра на учебе в городе, Эда слонялась по двору, пиная осенние листья и не зная чем себя занять. Во двор залетел голубь и стал прогуливаться неподалеку от девочки. Эда сделала шаг к нему, он не взлетел, но медленно пошел в сторону. Девочка осторожно шла за ним, а он от нее, в направлении старого дома. Ей стало любопытно – впервые она видела птицу, которая так долго разгуливает по земле, словно это не птица, а курица. Потом голубь и вовсе повел себя странно – дойдя до дома, он не взлетел, а вошел в приоткрытую дверь.

Эда немножко помедлила, ей было страшно входить в помещение, вдруг голубь вспорхнет и напугает? Но она медленно шире раскрыла дверь и, озираясь, все-таки вошла. А птица так и зашагала дальше, через анфиладу полупустых и пыльных комнат с низкими потолками, будто пришла к себе домой. Девочке стало интересно, что голубь будет делать дальше, она постояла немного, и пошла посмотреть. Когда она вошла в последнюю из трех комнат, там было тихо. Эда замерла в дверном проеме, пытаясь отыскать, куда делась птица, но птицы – не было. Эта дальняя комната была почти пустой, в углу стояли два стула со сломанными ножками, и старый, рассыпающийся комод, и еще в углу лежали несколько досок, а птица будто просто исчезла.

– Эй, ты где? – вслух спросила девочка, в надежде, что птица отзовется на звук, но в комнате по-прежнему было тихо. Эда посмотрела на окна, решив, что, может, там есть дырка в стекле, куда выпорхнула птица, но стекло было целое. Она вышла на середину пустой комнаты и стала смотреть по углам – никого здесь не было. А потом вдруг услышала, как птица вспорхнула в той первой комнате, откуда она пришла, и успела заметить, как голубь полетел к выходу и умчался на волю. Как он сделал это, было совершенно непонятно, и Эда стояла какое-то время ошеломленная, а потом стала оглядывать старые пыльные комнаты, куда давно не заходила. В самой большой из них – той, что была посередине, чужой ветхой мебели было больше всего – здесь был и корпус несурраз-

но высокой кровати без матраса, и старый шкаф с облезлыми дверцами, и какой-то не менее облезлый буфет, в котором, однако, прекрасно сохранились стеклянные верхние дверцы с резным рисунком. В этой комнате деревянные полы в некоторых частях были разобраны, и ходить было небезопасно, но Эде захотелось заглянуть внутрь. Она подошла к одной из дыр в полу и заглянула – ничего особенного, там были кирпичи, песок, какие-то камни, и все это уже давно плотно заросло паутиной. От вида паутины девочке стало немного не по себе, и она решила выйти из этого дома, но когда повернулась, ее нога ступила на незакрепленную доску, та съехала с места, нога Эды сорвалась вниз и девочка упала, больно ударив колено. Быстро вытащить ногу у нее не получилось – при движении становилось еще больнее. От обиды хотелось заплакать, но девочка сдержалась, повернулась, села на пол, а затем стала медленно вытаскивать ногу из дыры. Эда очень расстроилась, увидев, что порвала гамашу, но в следующее мгновение она вдруг увидела внизу, под ногами и сбитой паутиной маленький ящичек – деревянный, почерневший от старости, но очень симпатичный. Она протянула руку вниз, но смогла дотянуться до интересного предмета не сразу, пришлось подтолкнуть его доской поближе. Когда она доставала его, зацепила и порвала еще и рукав куртки, но теперь это было уже не важно, ведь все внимание девочки поглотила интересная находка.

Эда открыла крышку ящичка – внутри, под тонким слоем

соломки лежал мешочек из темной грубой ткани. Девочка потрогала его содержимое, это было похоже на крупу. Еще в ящичке лежала маленькая тоненькая потерянная книжка. Эда раскрыла ее – она была на непонятном ей языке, со скудными рисунками, больше похожими на схемы. Книжку девочка положила снова в ящичек – не слишком она ее заинтересовала. А вот мешочек она сразу захотела раскрыть. Ленточка была очень туго завязана, и Эда старалась как могла, но развязать мешочек не получалось. Она огляделась в поисках ножниц, но их здесь не было, и тогда она увидела небольшой ржавый металлический крючок на полке. Подсунув его тонкий конец под ленточку и сильно потянув, Эда сумела сорвать ленту, но от рывка из мешочка вдруг высыпалась и разбежалась по полу добрая горсть «крупы» – она оказалась бирюзово-голубой и очень мелкой. Эда взяла одну крупичу и поднесла поближе: в каждом кусочке была дырочка – это был бисер!

Как красиво он переливался на свету несколькими оттенками, от бледно-голубого до насыщенного небесного и бирюзового. Эда взяла в ладошку горсть и стала пересыпать с ладони на ладонь. Крупичицы были все разные, неправильных форм, местами имели углы, но в целом горсть бисера казалась такой приятной на ощупь, что хотелось пересыпать его снова и снова, как песок. Определенно, это была очень классная находка! Эда почти никогда не пробовала заниматься рукоделием, не считая пары занятий в школе, кото-

рые не особенно ей понравились, но в этот момент ей вдруг подумалось, что с таким необыкновенно красивым бисером у нее получится вышить что-нибудь особенно красивое. Она завязала мешочек снова, взяла ящичек с книжкой и поспешила в дом.

***

В тот день Анны к ужину снова не было. Эде казалось странным, что мама перестала даже сетовать на старшую дочь за то, что та игнорирует дела семьи. На семейные праздники Анна часто опаздывала, а последний день рождения Александра пропустила совсем. Хотя и сам Александр приехал на два часа позже. Они вообще вели себя отвратительно, считала Эда, и им все сходило с рук. А вот Эда всегда была словно под лупой. Она не могла пропустить школу даже на день, если не болела по-настоящему и не имела высокую температуру, потому что мама строго следила за дисциплиной. Эда никак не могла понять, почему о дисциплине старших она не печется, в то время как их и дома-то часто нет, и они невесть где вообще бывают, и может, Александр устраивает где-нибудь драки, в которых ему могут оторвать голову, а Анна водится где-нибудь с плохими подружками и может даже курит, а ей – Эде мама и шагу не дает ступить, хотя сделать этот лишний шаг можно только в старый домик на их участке.

Эда хмуро смотрела в тарелку с супом, по поверхности которого скучно плавала зелень. Александр ел как трактор

– будто внутри рокотал мотор, который нужно было обеспечивать большим количеством еды.

– Ты ешь, как... свинья! – буркнула она брату.

– Эда! – воскликнула мама. – Что за словечки? Как ты разговариваешь с братом?

– Она всегда так разговаривает, – ухмыльнулся Александр. – Она вообще умеет разговаривать нормально?

Эда опустила голову ниже.

– Ешь, твой суп совсем остынет, – сказал ей мама, и Эда нехотя было начала.

– Мам, мне предлагают начать работать в университете, – сказал брат. – Но если я соглашусь, мне придется полностью перебраться в город. Конечно, зарплата пока будет маленькая, но зато, если сейчас я справлюсь с этим, смогу остаться преподавать после окончания учебы.

Даже суп замер в ложке Эды, поднятой на десять сантиметров от тарелки. Александр насовсем уедет в город?!

– Это здорово, сынок! Я очень рада, – воскликнула мама. – Конечно, соглашайся! Год пролетит быстро, и если все получится, тебе не придется мучиться в поисках работы после окончания.

Эда ушам своим не верила. Мама даже не высказала тревогу – сразу согласилась. Конечно, денег не хватало в последнее время, и, наверное, если Александр будет работать, это будет полезно, но что вот так просто? Будет полностью жить в городе? Она посмотрела на брата так яростно, как будто

собиралась стукнуть.

– Мам, я иногда ее боюсь, – с отвратительной улыбочкой заявил брат, кивая на Эду. Тогда девочка подняла голову, победоносно улыбнулась и заявила:

– Наконец-то он не будет торчать на унитазе по три часа и занимать ванную по утрам! Свобода!

Александр шумно выдохнул:

– Что за сестрички мне достались!

Мама только сказала «Александр», бросила на него короткий взгляд, после чего они продолжили обсуждать детали его будущей работы в университете, который он заканчивал в будущем году.

Суп в Эду больше не лез, но она точно знала, что если откажется от ужина, все сочтут, что она расстроена. Ну уж нет. Она стала есть так бодро и весело, как только могла, и, наверное, даже напевала бы песенку, не будь рот занят другим делом. После супа съела даже конфету, и замахнулась на персик, но быстро сообразила, что дополнительный персик никак не повлияет ни на Александра, ни на маму, которые были заняты разговорами. Поэтому Эда убрала тарелку и, позволив себе теперь запеть, зашагала наверх в детскую.

Там она рухнула на кровать. Ничего не хотелось делать. Было грустно, темно внутри. Почему все стало так тяжело в последнее время? Эда еще помнила времена, когда все любили ее, а она любила всех. Даже Анну и Александра. Честно говоря, его даже больше всех. С ним всегда было смешно,

он всегда катал ее на санках, всюду водил за руку. Девочка не знала, когда и почему все испортилось. Мама всегда работала, часто была грустной. Все стали какими-то другими. Прежде Эда, Анна и Александр всегда с удовольствием играли вместе, им даже не нужно было покидать двор, ведь там было все что нужно – и мячи, и скакалки, и качели, и даже небольшая кадка, которая служила им летом бассейном. А потом Анне и Алексу все стало неинтересным. Они стали говорить, что Эда для них слишком мала, что им некогда, что у них свои дела и свои друзья. Они перестали играть даже друг с другом. Еще позже Александр закончил школу и поступил в университет, а еще через два года – и Анна. А Эда осталась одна, хоть старшие брат и сестра часто были рядом, они все же были словно очень далеко.

В комнате стало совсем темно, но девочка не могла встать с постели. Так и лежала, ничком, уткнувшись в покрывало и дыша от бессилия через раз. Вспомнила про бисер, найденный в старом доме, но он уже не казался ей интересной находкой. Ничего не казалось ей интересным. Наверное, детство закончилось. Эда слышала от взрослых, что когда детство заканчивается, жизнь становится трудной и не такой веселой. Ей это было совсем непонятно, но они – взрослые – говорили об искренне, и Эда склонялась к тому, чтобы верить. Вот может, эта тоска, эта затянувшаяся полоса несчастий и была взрослой жизнью?!

От этой мысли Эда даже села в постели. А что? Ей почти

12. В этом возрасте, слышала она, даже замуж в некоторых странах выходят. Значит, так и есть – она выросла! Эда снова бессильно рухнула в постель. И так и уснула – в одежде, на боку, со свешенными вниз ногами.

2

Александр переехал в город уже на следующей неделе. Анна по-прежнему приезжала поздно, и даже если находилась дома, была занята своими делами. Маме она говорила, что готовится к занятиям, но сама чаще красила ногти или листала какие-то модные журналы. Этой осенью в пятом часу, когда Эда возвращалась после двух школ, дома чаще никого не было – мама на работе, Анна на учебе. Поэтому перехватив что-нибудь на кухне – бутерброд или печенье с молоком, Эда шла во двор. Если позволяла погода, садилась на крыльцо и любовалась садом, сквозь густые ветви которого солнце рисовало узоры на брусчатке, иногда собирала красивые листья, краснеющие и желтеющие все больше с каждым днем. Иногда читала на крылечке книжку или снова бездельничала. А если шел дождь, шла в старый дом в надежде отыскать там еще что-нибудь полезное, пока его не снесли. Пока, кроме бисера и пары небольших коробочек, которые Эда могла бы использовать для хранения каких-нибудь мелочей, ничего доброго не нашлось, но делать девочке все равно до шести было нечего, поэтому поиски она иногда продолжала.

Когда тень поднималась до мансардного окошка, Эда знала, что скоро придет мама, и пора идти в дом, делать уроки.

После уроков ужин, потом мама брала свои спицы и садилась к экрану телевизора, а Эда садилась рядом, чтобы следить за движением маминых рук. Все вроде бы было хорошо в семье Эды, но ей, тем не менее, было грустно. И девочка чувствовала, как эта грусть меняет ее помимо ее воли. То и дело мама качала головой в ответ на ее недобрые реплики, Анна презрительно фыркала или обзывала «глупым крысенышем», а Александр... Александр совсем никак не реагировал, потому что почти не бывал дома, а если бывал, ему было не до младшей сестренки. И добрых слов ни для кого у Эды почему-то больше не было. Она стала грубить всем – и родным, и друзьям в школе, и учителям. С лучшей подружкой Аидой они давно уже не разговаривали, потому что Эде казалось, что и та против нее. Все вокруг всегда говорили не о том, задавали глупые вопросы, смотрели враждебно. Девочке все чаще хотелось остаться дома и не ходить в школу. И только один человек не вызывал в ней плохих эмоций – ее педагог по музыке Эдуард Генрихович, который был сыном маминой подруги. «Наши Эдики» часто говорили о них мамы, хоть, правда, разница в возрасте у Эдикиков была огромная – почти двадцать лет. Но Эда уважала своего учителя не потому, что у них схоже звучали имена, и он был сыном маминой подруги, а, наверное, потому, что он был терпелив, молчалив, никогда не задавал глупых вопросов, с любовью делал свою работу и очень красиво улыбался.

В один из обычных дней после школы Эда снова села на

крылечко. Было солнечно, но холодно, и она впервые в эту осень надела толстый зимний свитер. Анна не приезжала уже два дня – сказала, что ей нужно много заниматься, и она останется у Александра до выходных. Ну и ладно, когда их нет, даже лучше – весь дом в распоряжении Эды. Она собрала свежевыкрашенные природой красно-желтые листья, подмела двор. Хорошо было бы иметь щенка, подумалось ей. Было бы весело, она бы играла с ним после школы, кормила, обучала командам и засыпала бы под его урчание на коврике. Но мама против. Она говорит, что для того, чтобы завести животное, нужно быть уверенной, что сможешь за ним правильно ухаживать, а как быть уверенной, если ты еще не пробовала и не знаешь, что это такое?

Эда послунялась еще немного во дворе, посмотрела на фасад дома – солнце еще не добралось до мансарды, но девочка все равно пошла в дом. Проходя в свою комнату, она заметила, что дверь в комнату Анны открыта, а внутри у сестры такой беспорядок, за который Эда бы точно получила выговор. От вспышки негодования, мысленно произнося колкие обличительные слова в адрес старшей сестры, она вошла в ее спальню – ну вот, все вещи разбросаны, дверцы шкафа раскрыты, и в нем тоже никакого порядка. Эда нахмурилась и вошла. Ей вдруг захотелось сделать что-то такое, отчего сестре бы здорово влетело от мамы. Беспорядком маму уже не удивишь, конечно. Постель была, хоть не очень аккуратно, но заправлена, и тогда Эда внезапно сдер-

нула покрывало на пол, а затем встряхнула и одеяло – пусть мама увидит, в каком состоянии Анна оставила комнату перед отъездом. Потом ее взгляд упал на трюмо, а на нем она увидела мамины бусы из черных мелких камней. Эда сделала шаг вперед, но заколебалась. Порвать их? Но это же мамины... Она взяла их в руки, в нерешительности прикусила губу. Если мама увидит, в каком состоянии бросила ее старшая дочь комнату, она наверняка проучит ее, а Анне это просто необходимо. Ведь она ведет себя отвратительно! Но за несколько разбросанных вещей Анна взбучку не получит, и мама только добавит себе хлопот, пока будет складывать все это за нее, а вот если разозлить маму хорошенько... Девочка слегка натянула нить тонких красивых бус, но смелости ей не хватило, и она вернула украшение на трюмо. «Трусиха», подумала она о себе, и снова вспомнила, как отвратительно Анна ведет себя в последнее время, как бросает в адрес Эды обидные слова и еще то, что она никогда – никогда не соглашается поиграть в шашки, когда Эда ее просит. Девочка резко взяла бусы и изо всех сил рванула нить.

Это оказалось проще, чем она думала. Бусины разлетелись по всей комнате, и Эда замерла, слушая, как постукивают они по голому полу и где-то вдалеке замолкают. Девочка увидела себя в зеркале, но ее отражение отпугнуло ее, и она невольно отошла в сторону. На кровати Анны среди прочих вещей она увидела джинсовую куртку сестры, которая всегда ей очень нравилась. Анна, конечно, не разрешала сест-

ренке брать ее вещи, но теперь, когда ее нет, можно делать все, то угодно. Эда надела куртку, и поверх толстого свитера та оказалась ей впору, лишь длинноваты рукава. Девочка почувствовала себя в этой куртке такой взрослой и модной, что решила, не спрашивая разрешения, надеть ее завтра в школу.

Мама в комнату тем вечером не зашла. Эда даже дверь в спальню приоткрыла шире, но мама не поднималась на второй этаж, и в комнаты детей вообще не заглядывала. Она была немного рассеянной в последние месяцы. Тем не менее, Эда решила не рисковать и на следующее утро, уходя в школу, убрала куртку сестры в рюкзак, чтобы надеть позже. Весь день потом она ходила в этой куртке, хоть и было очень жарко. А когда возвращалась домой, случилось непредвиденное. Она проходила мимо детской площадки, решила один раз скатиться с горки – что только ее туда потянуло! – случайно зацепилась пуговицей нагрудного кармашка за какой-то крюк пока пыталась расположиться для удобного спуска и дернула. Карман полностью не оторвало, но по линии шва, которым этот кармашек был пришит, полочка куртки разорвалась сантиметров на пять. Эда не сразу поняла, что за хруст услышала, а когда увидела, что произошло, застыла от страха – что теперь делать? Анна не только узнает, что Эда брала ее куртку без разрешения, но и то, что младшая сестра была в ее комнате, а значит, догадается, что и бусы порвала тоже незваная гостья.

Девочка быстро зашагала в сторону дома, закрывая дыру ладошкой, будто кто-то мог ее тут же заметить и разоблачить. Тревожные мысли засуетились в ее голове. Можно, конечно, прийти и быстренько навести порядок в комнате Анны. Можно, даже собрать вещи, и тогда... тогда можно сказать, что куртку она порвала именно тогда, когда наводила порядок. Нет. Глупая идея – как можно порвать куртку, если просто хочешь ее сложить? Да и все равно это Анне не понравится – что Эда совала к ней свой нос и что-то трогала. А Бусы? Кошмар. Эда побежала бегом, чтобы скорее добраться до места своего преступления и оценить ситуацию.

Да, с бусами было сложнее всего. Сбросив рюкзак на пол, Эда стала собирать рассыпанные по всей комнате бусины, и после первой собранной горсти это оказалось непростой задачей, – они скрылись в самых потаенных уголках и не желали быстро показываться. Чтобы было удобнее ориентироваться, Эда насаживала найденные бусины на брошенную здесь же накануне нить от бус, и после долгих утомительных поисков оказалось, что не хватает бусин еще на 10 сантиметров. Все складывалось совсем не так, как Эда планировала. Она сунула собранные бусины в карман, заправила постель Анны и поспешила к себе – думать, как быть дальше.

Ничего не придумывалось. После шести Эда села делать уроки, но учеба в голову, конечно, не шла. В напряжении она изгрызла весь колпачок ручки, без перерыва теребила кисточку своей косички, но и это не приносило идей. Когда

она услышала, как пришла мама, она напряглась еще больше, но потом себя успокоила, ведь главное – найти решение до возвращения Анны, а пока нечего бояться, мама ничего не узнает.

Эда почти не ела ничего за ужином, а на вопрос мамы, не заболела ли она, сказала, что просто переела бутербродов в школе и не успела проголодаться.

– Можно, я пойду к себе? – спросила она. – Мне задали много уроков.

– Хорошо, если ты в порядке, можешь идти, – ответила мама, и Эда живо помчалась наверх.

До возвращения Анны оставалось два дня. Нет, нет, нет! Эда не может допустить, чтобы о ее проделках стало известно родным. Она думала, думала, но вскоре поняла, что ничего сделать не сможет. Дырка есть – вот она, бусины можно попробовать поискать еще завтра утром, но даже если она найдет их все, как соединить их так, чтобы не было заметно? Часам к девяти Эда признала, что ее план наказать Анну не только провалился, но неизбежно наказана будет она сама. Можно, конечно, облегчить свою участь – например, признаться только маме, и попросить, чтобы она помогла решить проблему. По голове мама, конечно, не погладит, но лучше пусть ругает она, чем Анна. Ну и версию с бусами нужно придумать, конечно, другую. А еще можно... Точно! Эду осенило: ведь можно попробовать зашить куртку и даже украсить бисером, а если получится хорошо, может за ста-

рания ее даже похвалят!

Эда бросилась к своей недавней находке, высыпала на стол небольшую горсть и представила, как этот бисер чудесно может смотреться в качестве вышивки на джинсовой курточке. Она спустилась вниз, тайком от мамы достала коробочку с нитками и иглками и принесла к себе. Задача, конечно, сложная, но выполнима, сказала себе Эда и без промедления взялась за дело.

Шов получился очень грубым. Как ни старалась Эда затягивать нитки плотно, чтобы не оставалось щелей, выходило очень плохо. Но девочка рассудила, что под бисером видно шов все равно не будет, и принялась за вышивку. Первая крупичка, которую она насадила на иглу, имела очень узкую дырочку, так что игла прошла в нее лишь на сантиметр. О, нет! Это все усложняло. Эда покопалась в коробочке, но иглы тоньше не нашла. Она взяла горсть бисера и поднесла поближе, чтобы лучше его разглядеть. Как же красиво он переливался! Но дырочки все были одинаково мелкие. Эда рыкнула от досады, и попыталась просунуть иглу с силой. И вдруг – несмотря на то, что крупичка бисера была очень твердая, дырочка в ней словно раздвинулась как в резине, и игла прошла полностью! Чудо какое-то!

Девочка стала пришивать бисеринки одну за другой – все они сначала не пускали иглу, но после небольшого нажатия сдавались, и игла проходила внутрь. Эде казалось, что чем дальше, тем легче насаживается бисер, так что даже усилий

прилагать больше было не нужно.

– Эда, ты готова ко сну? – раздался снизу голос мамы.

– Почти, мам, можно еще полчаса? – крикнула счастливая Эда, видя, как ее роскошный бисер красиво закрывает испорченный кусок материи. Мама позволила, и девочка, совершенно опьяненная непривычной и приятной работой, через некоторое время увидела в своих руках то, чего и сама не ожидала – джинсовую куртку с прямоугольной, но очень красивой благодаря красоте бисера вышивкой на груди. И это сделала она сама! Прекрасно! Может Анна еще и спасибо за это скажет?

Уставшая, но очень довольная результатом, Эда убрала все по местам, переделалась, почистила зубы и легла спать. И даже чмокнула маму на ночь, что делать она в последние месяцы совсем перестала. Она крепко спала, а проснулась еще до звонка будильника и привычных маминых напоминаний, что пора вставать. Она была бодрая, готовая к новому дню. Умылась, оделась и спустилась к завтраку, но только намазывая повидло на хлеб, поняла в чем причина ее отличного утреннего настроения – она ведь собственными руками сотворила вчера нечто потрясающее!

Эда хотела было тут же побежать наверх, но зная, как не нравится маме плохое поведение за столом, сделала усилие и доела свой завтрак, и лишь после понеслась полюбоваться своим произведением. Конечно, думала она, перепрыгивая через две ступеньки, это не решит всей проблемы, маме-то

придется рассказать правду, что Эда взяла куртку без спроса, и как случайно порвала ее, но даже если так – она исправила свою вину, и при этом так творчески!

Девочка достала куртку из шкафа, куда она убрала ее после вышивки, и развернула. На несколько мгновений она почувствовала растерянность: не та куртка? Даже проверила вещи на полке, хоть другой джинсовой куртки там быть не могло. На том месте, которое она вчера так старательно расшивала бисером, бисера не было. И не было дырки! Эда держала в руках совершенно целую куртку Анны. Повертела ее, проверила с изнанки – ничего, она была такой же, как до вчерашнего инцидента на горке. Эда стояла и смотрела – то на куртку, то на шкаф, из которого ее достала, и не знала, что думать. Но когда мама поторопила ее снизу, Эда взяла школьный рюкзак и, проходя мимо спальни сестры, тихо вошла, положила куртку на постель, потом плотно закрыла дверь, спустилась вниз и села в мамины «Жигули». На протяжении всего пути до школы она моргала, как в замедленном кино, и произнесла лишь три слова «хорошо», «ладно» и «пока».

***

В школе Эда думала только о том, чтобы поскорее вернуться домой и еще раз взглянуть на куртку сестры. Чем дольше шло время, тем увереннее она становилась, что когда вернется, бисерная вышивка будет на месте, и утренняя неожиданность окажется какой-то ошибкой. И чем уверен-

нее она становилась, тем дольше шло время. У нее даже возникла мысль пропустить занятия в музыкальной школе, но в последний момент она передумала – не время приумножать свои провинности. И как только все уроки остались позади, она бегом понеслась домой. Перед забором остановилась – почувствовала, как бьется громче обычного ее сердце. Что, если бисера все-таки на куртке не окажется? Она бросила рюкзак прямо у двери и пошла в комнату сестры. В дверях она зачем-то закрыла глаза и вслепую подошла к кровати. Вот сейчас она посмотрит на постель и увидит на ней куртку с вышивкой из бисера, а через пару часов обязательно поговорит с мамой об инциденте. Она открыла глаза и увидела куртку – на ней по-прежнему не было ни крупинки бисера, ни грубого шва на груди, ни дыры.

Эда села на кровать. Она не знала, нравится ей это обстоятельство или нет. Вроде бы проблема решена – куртка цела, но стоит ли доверять такому повороту событий? Может, она потом снова появится? Эда проверила куртку со всех сторон, будто дыры могли появиться в другом месте, но все было в порядке. А может и бусы стали целыми?

Девочка бросилась в свою комнату, открыла шкаф и достала разорванные бусы – они оставались разорванными. Эда улыбнулась, потому что только один испорченный предмет – это лучше, чем два, и связать бусы проще, чем починить одежду. Нужно только разыскать недостающие бусины.

Она переоделась, спустилась на кухню выпить молока с

булочкой. Солнце ярко освещало старый дом, на который Эда смотрела в окно, пока ела. Она вспомнила про бисер, который нашла там. А остаток бисера случайно не исчез? Бросив недоеденную булочку и молоко, Эда снова понеслась вверх, в свою комнату, открыла шкафчик и увидела мешочек. Взяла его в руки, развязала и высыпала горсть себе на ладонь – бисер был на месте. Как же необыкновенно красив он был, даже обидно, что вышивка пропала. Эде показалось, что бисер был прохладный и сегодня был даже краше, чем прежде – он так переливался, что девочке снова захотелось вышить из него что-нибудь. «Если вышивка снова не испарится», усмехнулась она про себя. Странный бисер, конечно. Может, она им неправильно пользовалась? Эда вспомнила про книжку со схемами, что лежала в ящичке – определенно, ее стоило почитать.

Но сделать это оказалось невозможным делом – только теперь Эда увидела, что язык, как которым книжка была написана, она не знает. Некоторые буквы были похожи на английский, который она учила в школе, но не все, и прочитать они ничего не могла – звуки получались какие-то нелепые.

Потом девочка снова поднялась к сестре, чтобы поискать бусины – увы, долгие поиски подарили ей только 3 штуки, и Эда поняла, что около 7 сантиметров бус она восстановить не сможет – наверное, бусины залетели под тяжелый шкаф, откуда их не достать. Что ж, возможно, это не такая уж и проблема, подумала Эда, ведь бусы длинные, и может быть,

ни мама, ни Анна не вспомнят, какими бусы были прежде. Она пошла к себе в комнату, насадила последние найденные бусины на нитку и связала. Так аккуратно, как прежде, не вышло, но Эда этому значения не придавала. В конце концов, теперь, когда куртка была цела, никто не скажет, что Эда заходила в комнату сестры и трогала бусы. Девочка отнесла мамино украшение и положила на трюмо Анны, где оно и лежало прежде.

И все же приезда сестры Эда ожидала с опаской. Но все обошлось – та ничего не заметила, и даже была в эти выходные немного ласковее, чем прежде. Александр тоже приехал домой на выходные, и вечером субботы Эда вдруг почувствовала, что все почти как прежде. Брат и сестра что-то рассказывали о своей жизни в городе, о работе Александра. Испытать настоящую радость от всеобщего возбуждения девочке мешало чувство досады – все эти приятные рассказы, вся счастливая жизнь брата и сестры никак не были связаны с ней. И когда закончатся выходные, они снова уедут, туда, где им теперь лучше, чем дома.

Александр даже посуду помыл в тот вечер. А Эда все хотела найти повод тоже включиться в разговор, добавить что-нибудь о своей жизни, рассказать про свои дела, но не выходило. Когда Анна ушла к себе, Эда тихо стояла под дверью и слушала, пытаясь представить, увидела ли сестра свою куртку или бусы.

– Ты что подслушиваешь? – услышала она голос Алек-

сандра, поднимающегося по лестнице.

Эда насупилась. Ну что за неприятность снова – она оказалась поймана за таким постыдным занятием. Она бросилась в свою комнату, хлопнула дверью, и рухнула на кровать. Никак, никак у нее не выходило быть нормальной сестрой. А старшие будто искали лишнюю возможность уличить ее в плохом поступке. И находили, надо сказать. Да что они за брат и сестра такие? Им ничего не нравится – ни играть, ни гулять, ни даже просто быть дома. Отчаяние снова овладело Эдой. Дверь приоткрыла мама, спросила, почему дочка сидит одна, не дождавшись ответа, позвала пить чай. И ушла. А Эда хотела сказать, что не хочет пить их противный чай, но мама ведь и не спрашивала, просто позвала и ушла. Эда с яростью бросила в дверь подушку и съехала с постели на пол.

На тумбочке рядом лежала та книжка на непонятном языке, Эда стала листать ее, пытаясь понять хотя бы, что могут означать схемы, но ничего не выходило. Интересно, вдруг подумала она, а если этим бисером все дырки зашивать, они все будут так исчезать? Эта мысль увлекла девочку. Она стала представлять, что можно было бы еще зашить бисером. Вспомнились колготки, дырка на обшивке дивана в гостиной, и мамина блузка, которую та недавно прожгла утюгом. Девочка сидела так одна, представляя как можно было бы вышить некоторые вещи, но вскоре к ней вдруг постучался и вошел Александр.

– Ты что сидишь тут одна? – спросил он и сел на пол ря-

дом. Эда посмотрела на него недоверчиво, она уже и забыла, когда брат интересовался ее делами, наверняка, ему от нее что-то нужно.

– Просто, – ответила она после паузы.

– Почему не пришла пить чай?

– Не хочу, – буркнула Эда и уткнулась в свою книжку.

– Что читаешь? – Александр заглянул в книгу. – Хм. Что это?

– Так, одна книжка.

– Дай посмотреть, – попросил брат, и Эда нехотя повиновалась. – Что за язык? Странно выглядит.

– А ты можешь узнать, что это за язык? Мне нужно прочесть, что тут написано.

– Нет, я не знаю. В школе спроси.

Тогда Эда поспешно забрала из его рук книжку, сославшись на то, что она чужая, и ее нельзя никому давать. Брат, похоже, не расстроился, он встал и снова позвал сестренку пить чай.

– Хорошо, я сейчас приду, – ответила она, немного смягчившись. Когда он вышел, она даже подошла к зеркалу, и, увидев, что волосы выбились из косы, решила расчесать их и заплести снова. А когда распустила, вдруг решила, что можно спуститься и так, надела ободок с розочкой и пошла вниз.

– Что с ней вообще такое в последнее время? – услышала она, стоя на лестнице, голос Анны из кухни.

– Ой, не знаю, – ответила мама. – Наверное, переходный

возраст. Хотя вы у меня такими в этом возрасте не были.

Эда замерла.

– И что она – придет все-таки или нет? – спрашивала мама у сына.

– Не знаю, надо было тебе самой идти, что я? – ответил Александр, и Эда с горечью поняла, что брату по-прежнему нет до нее никакого дела, и он приходил просто потому, что бы отправлен с заданием. Эду как огнем обожгла обида. Лучше бы они вообще уехали в город навсегда и больше не приезжали!

– Алекс, она вас так мало видит теперь, – объясняла мама. – Тем более ты брат, ей просто необходимо иногда твое внимание.

Дальше слушать это Эда не могла и, сорвав с головы ободок, бегом побежала к себе.

– Эда! Эда, ты здесь?

Эды уже не было. Она быстро почистила зубы, надела пижаму, погасила свет и легла в постель – на час раньше привычного времени отбоя.

3

В воскресенье Эда выходила из комнаты только, чтобы поесть, да и то неохотно. Родные больше не делали попыток увлечь ее разговором, только изредка поглядывали в ее сторону. Но девочке было все равно. Она сначала делала уроки и читала у себя в комнате, а потом, вспомнив про бисер, ре-

шила снова попробовать что-нибудь вышить. Вышивать рваные колготки было неинтересно, а брать мамину блузку не хотелось – чтобы не привлекать внимания. И она решила вышить просто какой-нибудь узор на своей маленькой подушке. Опыт вышивания у нее был, конечно, очень скромный, но ей захотелось создать что-нибудь по-настоящему красивое, например, маленького щенка, какого она недавно рисовала на уроке в школе. Она наметила на ткани рисунок карандашом и принялась за вышивание.

Уже через пару минут Эда вышивала так, как будто делала это сотый раз в своей жизни – легко, быстро, а рисунок получался просто удивительно точным! Словно ее руками волшебным образом управляла какая-то сверхсила. Юная вышивальщица вошла в настоящий азарт. Всякий раз, закончив вышивать маленькую лапку, ушко или хвост, она проводила пальцами по глади вышивки, и глаза ее горели все ярче, она совсем позабыла о времени и пространстве, и будто находилась в другом счастливом мире, где рядом с ней есть замечательный пес – лучший веселый друг, благодаря которому никогда не бывает грустно. Эде не мешало даже то, что бисер весь был голубой – она использовала крупички более темных оттенков, чтобы вышить глаза и нос, и в ее воображении вышитый пес выглядел, как настоящий!

К вечеру вышивка была готова. Эда надела наволочку на подушку и еще раз погладила своего голубого пса. Довольная результатом своего труда, она даже хотела бежать и по-

казывать это чудо родным, и уже подошла к двери, но потом почему-то остановилась. Ей стало страшно – что вышивка никому не понравится, что Анна отпустит какую-нибудь шуточку или даже просто вяло пожмет плечом. И Эда не пошла. Она спустилась к ужину молча, и хоть взгляд ее с утра сильно подобрел, этого никто не заметил. После трапезы, все сидели в гостиной, мама с братом снова обсуждали его работу и планы на следующую неделю, Анна листала журнал. Ничего нового. Так что покинуть их было не жаль, и Эда пошла к себе наверх – любоваться своей собачкой и готовиться ко сну.

На следующий день она принесла книжку из ящичка в школу.

– Не могу сказать точно, но это похоже на группу индейских языков, – сказал Эде ее преподаватель истории, к которому она зашла после окончания уроков. – Звучание похоже. Это вариант латиницы... Может это даже алеутский.

– Но хоть что-нибудь, что здесь написано, вы можете прочесть? – спросила девочка.

– Увы, нет. Наверное, я смог бы тебе помочь, нужно полистать кое-какие книжки, но не сегодня. Ты ко мне зайди через недельку или две, тогда я постараюсь найти, если тебе это очень нужно узнать.

Эда поблагодарила учителя, сказала, что как-нибудь еще зайдет, и отправилась в музыкальную школу. Вчерашняя радость от творчества еще давала о себе знать – она не шла, а припрыгивала, и на скрипке сегодня играла так хорошо, что

чаще сдержанный Эдуард Генрихович даже похвалил ее игру. А когда Эда вприпрыжку пришла домой, там ее ждал и вовсе удивительный сюрприз – во дворе, виляя хвостиком и перебирая лапками, ее встретил замечательный щенок белого окраса, с легким голубым отливом.

Из груди Эды вырвался возглас настоящего счастья! Она бросилась навстречу, с разбега падая на колени и протягивая руки, а щенок бросился к ней. Он был очень мелкий, но бойкий и, наверняка, уже не малыш.

– Откуда ты взялся? Какой хорошенький! Ты ко мне пришел? – повторяла она снова и снова, восхищенная удивительным событием. Через несколько минут она стала думать, что появление щенка, конечно, вовсе не означает того, что он останется жить у них дома, ведь мама против содержания животных, но одно девочка сейчас знала точно – она так сильно попросит маму оставить его, как не просила ничего в жизни, даже если взамен ей придется всю свою жизнь делать то, что будет просить мама.

– Идем, малыш, я дам тебе чего-нибудь поесть, – сказала Эда и стала звать щенка в дом. – Как же назвать тебя? Чип? Рекс? Вилли? Тильда? Ты вообще-то мальчик или девочка?

Возбужденная Эда открыла дверь, чуть замешкалась, сомневаясь, можно ли сразу заводить пса в дом или лучше вынести ему еду на крыльцо. Заводить не решалась, но и оставлять не хотела – вдруг сбежит. Тогда она взяла его подмышку и пошла на кухню за молоком и печеньем, взяла блюдце

для питомца и устроилась с ним на ступенях крыльца.

– Хм... Я бы дала тебе имя, но я не знаю, какого ты пола, – оправдывалась она перед псом, пока тот с удовольствием лакал предложенное ему молоко. – Только бы, только бы мама согласилась! Знаешь, если она не согласится, я тогда просто... я тогда просто из дома сбегу.

Пес оторвался от молока и, наклонив голову вбок, посмотрел на девочку. У него были ярко-синие глаза и длинные белые брови, выделяющиеся на фоне лохматой мордочки. Эда погладила его по голове, и он завилял хвостом, готовый к игре. Девочка взяла старый мячик, что давно валялся во дворе, и стала кидать щенку, а тот – сытый и довольный теперь только и мечтал о том, чтобы бегать за мячом в компании новой хозяйки.

Уставшими от беготни, но очень счастливыми и застала их мама Эды, когда вернулась домой. Девочка застыла на мгновение, увидев ее, страшась того, что мама запротестует, увидев собаку, но та вдруг сразу улыбнулась и вместо строгих наставлений лишь спросила у дочки, откуда появился этот замечательный пес, и успела ли Эда его покормить. Девочка даже опешила. Она не стала уговаривать маму оставить его, потому что казалось, мама и так понимает, что собаке придется остаться, а если все же задать ей уточняющий вопрос, магия этого невероятного происшествия тут же улетучится, мама очнется и строго повторит, что не готова к тому, чтобы держать дома животное. Поэтому, когда они пошли

в дом, девочка задала другой вопрос, предполагающий, что пес определенно остается:

– Мама, а ты можешь узнать, мальчик это или девочка, чтобы я могла выбрать имя?

Мама подняла щенка и уверенно сказала, что это мальчик.

– Значит, пусть будет Чип, – заключила Эда.

О том, что случилась не просто счастливая неожиданность, а действительно чудо, Эда поняла только тогда, когда после ужина вошла в комнату, и взгляд ее упал на подушку, где она вышила щенка. Ну конечно! Это все бисер! Бисер исполняет мечты! Это невероятно! Сначала исчезла дырка на куртке, а теперь и Чип! Девочку так возбудила догадка, что она стала ходить по комнате кругами, снова и снова вспоминая как все было, осознавая, какая находка теперь в ее руках, как круто теперь изменится ее жизнь, и волнительно гадая, стоит ли кому-то об этом рассказывать. А может, она ошиблась, и это лишь совпадение? Это нужно проверить – нужно срочно загадать еще желание и посмотреть, что получится!

В поисках хорошей идеи Эда заметалась по комнате – пыталась найти ее во дворе за окном, в ящиках письменного стола, искала, сидя на постели и сосредоточившись, на полках с одеждой, но от волнения идеи в голову приходили сложные: получить новые джинсы, получить микроскоп, поехать к бабушке в Сибирь, получать хорошие оценки без подготовки, отомстить мальчику из класса, который все время задирается, сделать так, чтобы домашнее задание выпол-

нилось само собой и т.д. Чип радостно бегал за Эдой по комнате, и словно ждал решения. И вдруг девочка поняла – раз нужно просто проверить действие волшебного бисера, можно попробовать починить бусы, неаккуратно связанные ею, да еще и без нужного количества бусин. Как это сделать? Она сходила в комнату Анны – сестра даже не трогала их в выходные, они лежали так же, как положила их Эда. Девочка посчитала бусины – их было 47, каждая бусина была примерно сантиметр в диаметре, значит, когда бусы были целые, в них было около 54-55 штук. Эда положила их на место, пошла к себе, наскоро сделала уроки, нашла в шкафу старую футболку, которую не носила уже давно, и достала бисер.

Вышивание на футболке бус из 55 бисеринок заняло у нее совсем немного времени. Рисунок получился маленький, потому что бисер, конечно, был намного мельче бусин, но ведь и вышитая собака была в несколько раз меньше натуральной. Закончив с вышивкой, Эда уже не могла ждать наступления ночи просто так. Она надела пижаму, почистила зубы, спустилась к маме пожелать добрых снов, и, сославшись на усталость, пошла спать – очень уж ей не терпелось проверить теорию волшебства.

Если вы подумали, что, проснувшись, Эда бросилась в комнату сестры проверять бусы и нашла их восстановленными, то вы, конечно, правы. Все так и случилось. Эда перебирала бусы, пытаясь найти завязанный ею узелок, но его больше не было, и длина у бус была прежняя. «Да!» – услышала

громкий счастливый возглас девочки мама, готовившая внизу завтрак. И уже минут через десять Эда, одетая, наспех собравшая резинкой волосы в неаккуратный пучок, с возбужденным горящим взглядом сбежала вниз.

– Что с тобой? – спросила мама, но Эда отмахнулась, мол, так, настроение хорошее.

А настроение у нее было не просто хорошее, а самое восхитительное, какое только может быть на этой планете у девочки, в чьих руках оказалась волшебная палочка! Вещица посложнее, конечно, тут не просто взмахнуть, а потрудиться с вышивкой нужно, но это ерунда. Пока Эда ехала с мамой в школу, каких только желаний у нее не возникало, но она останавливала себя, чтобы не дать воображению разбушеваться – куда спешить? В таком деле нужна трезвая голова, убеждала она себя, но желания все равно лезли и лезли из всех щелей. И в школе весь день она не слушала учителей, получила пару замечаний за невнимательность (но какое ей до этого дело, если захочет, вышьет хоть всю школу со всеми учителями на льдине Антарктиды, чтобы не докучали!), она не дописала короткое эссе и бесстрашно сдала тетрадь (как интересно, это можно вышить, – чтобы эссе в тетради было дописанное?), на обидные слова мальчишки из класса она только ухмыльнулась (в Антарктиду его! или можно в Африку для разнообразия). Все, что поглощало ее внимание и мысли, – это бисер. В этот день Эда поняла, что не зря всегда чувствовала свою исключительность – она точно особен-

ная, теперь, когда ей в руки попало волшебное средство, это стало ясно.

«Так чего же я хочу сегодня?», спросила она себя тем же вечером по возвращении из школы.

«Пожалуй, микроскоп!», ответила она себе, решив, что самое время занять это замечательное устройство, о котором она мечтала так сильно и страстно, как некоторые девочки мечтают о новой кукле. Микроскопом она пользовалась лишь дважды в школе на уроке ботаники, когда они проходили строение листьев, и он так понравился ей, такой волшебный микромир он открывал неискушенным Эдиным глазам, которые от увиденного делались вдвое больше, что девочка поняла – эта вещь нужна ей сейчас больше всего на свете! Мама говорила, что микроскопы стоят очень дорого, и купить его она не сможет. Со временем, сильное желание иметь его немного утихло, но вот теперь, когда в руках у Эды оказался волшебный бисер, оно вернулось снова с удвоенной силой – у нее будет микроскоп!

Сделав наспех уроки (да их бы можно было и не делать, но вот как вышивать потом благосклонность учителей, пока было не понятно), она бросилась искать подходящую ткань для вышивки. Теперь ей понадобится большой кусок. Перебрав вещи в своем шкафу, она ничего подходящего не нашла и отправилась на поиски в спальню к маме. Прежде она никогда так не делала – ничего не брала у мамы без спроса, но теперь, когда Эду ждали великие дела, о таких мелочах

можно было не думать. Она открыла ящик комода, в котором лежало аккуратно сложенное постельное белье, и стала копаться в стопочке. Цветочки, полоски, однотонные желтые, розовые и фиолетовые простыни и пододеяльники, все не то. Ей нужно было что-то белое. Наконец, на самом дне она увидела что-то белое, достала, развернула и ахнула – это был идеальный вариант! Какой-то белый кусок ткани, да еще и с красивым кружевным уголком! На такой милой тряпочке вышитые желания будут смотреться просто идеально.

Эда понеслась к себе и принялась за дело без промедления. Вышивка микроскопа оказалась сложным делом, потому что девочка плохо помнила, как он выглядит. У него же винтики повсюду, колесики какие-то. Вдруг нужно вышить точно? Немного поколебавшись, Эда рассудила так, что если микроскоп, который она получит, вдруг будет без каких-нибудь важных деталей, то она распустит вышивку, и вышьет его заново по готовому рисунку.

Когда пришла мама, работа у дочки была в самом разгаре, и она отказалась ужинать, сказав, что выпила так много молока, что еще не успела проголодаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.